

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.33>

Рахимова Асия Ризвановна, Гиниятуллина Алсу Юнисовна

ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕЙ ЧЕЛОВЕКА, В ПОЭМЕ XIV ВЕКА "ХОСРОВ И ШИРИН" КУТБА

Статья посвящена изучению тематической лексики произведения XIV века "Хосров и Ширин", написанного поэтом Кутбом. Авторы статьи раскрывают историко-генетические особенности лексики, характеризующей человека. Исследование показало, что часть тюркской лексики является древнетюркскими словами, не сохранившимися в большинстве современных тюркских языков, в том числе и в татарском языке. Другая часть лексики дошла до сегодняшних дней, но подверглась семантическим изменениям. Иноязычная лексика представлена арабскими и персидскими словами. Многие из них встречаются в поэме параллельно с тюркскими вариантами и нередко образуют с ними парные слова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 6(84). Ч. 1. С. 149-154. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

STYLISTIC PECULIARITIES OF LITERARY TEXT TRANSLATION
(BY THE EXAMPLE OF THE NOVELS "MARTIN EDEN" BY JACK LONDON
AND "THE MASTER AND MARGARITA" BY M. A. BULGAKOV)

Parshukova Mariya Mikhailovna
Khanty-Mansiysk State Medical Academy
pmm1987@mail.ru

Telitsyna Elena Leonidovna
Yugra State University, Surgut
e-telitsyna@mail.ru

The article deals with the peculiarities of lexical units translation in the novels "The Master and Margarita" by M. A. Bulgakov and "Martin Eden" by Jack London from Russian into English and from English into Russian. The history of translation studies, theoretical questions, key conceptions and factors influencing the adequacy of the translation are touched upon. In the work the authors analyze the examples of constructing phrases in different-system languages and ways of translating them. The examples from novels and their analysis are given. The paper considers comparison as a means of figurativeness and expressiveness, its types and functions.

Key words and phrases: translation studies; text; adequacy; function; feature; novel; comparison.

УДК 811.512.145

Дата поступления рукописи: 27.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.33>

Статья посвящена изучению тематической лексики произведения XIV века «Хосров и Ширин», написанного поэтом Кутбом. Авторы статьи раскрывают историко-генетические особенности лексики, характеризующей человека. Исследование показало, что часть тюркской лексики является древнетюркскими словами, не сохранившимися в большинстве современных тюркских языков, в том числе и в татарском языке. Другая часть лексики дошла до сегодняшних дней, но подверглась семантическим изменениям. Иноязычная лексика представлена арабскими и персидскими словами. Многие из них встречаются в поэме параллельно с тюркскими вариантами и нередко образуют с ними парные слова.

Ключевые слова и фразы: язык поэмы; тюркская лексика; татарский язык; историко-генетический анализ; семантические особенности; арабско-персидские заимствования.

Рахимова Асия Ризвановна, к. филол. н., доцент
Гиниятуллина Алсу Юнисовна, к. филол. н.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
a.rakhimova@gmail.com; alsu.giniyatullina.2016@mail.ru

**ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕЙ ЧЕЛОВЕКА,
В ПОЭМЕ XIV ВЕКА «ХОСРОВ И ШИРИН» КУТБА**

Актуальность данного исследования объясняется недостаточной изученностью тематической лексики татарского литературного языка с точки зрения ее этапов и генетических источников формирования. Лексика, характеризующая человека, использованная Кутбом в поэме «Хосров и Ширин» (XIV в.), своей функциональной, семантической, генетической особенностями отражает важный этап развития общетюркского языка, представляющий собой преддверие появления тюркских национальных, в том числе и татарского национального языка.

Научная новизна данной статьи состоит в том, что авторы впервые в татарском языкознании проводят подробный анализ лексики, характеризующей человека, использованной поэтом в своем произведении при описании художественных образов.

Поэма «Хосров и Ширин» Кутба в тюркологии изучена больше в литературном и текстологическом аспектах, язык исследован меньше. Поэму «Хосров и Ширин» с точки зрения лексического богатства исследовали такие знаменитые тюркологи, как Э. Н. Наджип [5; 6] и Э. И. Фазылов [8; 9]. Диссертация Г. Ф. Гариповой посвящена изучению морфологических особенностей данного поэтического произведения [1]. Поэма наряду с другими языковыми и литературными памятниками периода Золотой Орды анализируется в монографии Ф. Ш. Нуриевой. Языковые, в том числе и лексические особенности поэмы рассматриваются автором в рамках определения основных региональных вариантов кыпчакского койне, связанных с золотоордынским периодом [7, с. 193-228, 311].

Язык поэмы нами исследуется с целью выявления историко-генетических и семантических особенностей лексики, характеризующей человека, на определенном этапе ее развития, а именно в XIV веке, так как поэма была написана в 1342 году. Источником нашего исследования является текст поэмы «Хосров и Ширин», представленный в сборнике «Источники древнетюркской и татарской литературы», который был составлен и издан профессором Хатипом Госманом [2, б. 47-142]. Нами была собрана и проанализирована лексика, функционирующая в характеристике героев поэмы.

Основная часть. Лексический состав поэмы, как отмечают исследователи, насчитывает 3255 слов, из них 1480 слов образуют тюркский слой [9, с. 41]. Как видно из этих данных, более половины всех лексических единиц поэмы, то есть около 1800 слов, являются арабскими и персидскими заимствованиями. Следует отметить, что в лексике, связанной с характеристикой человека, данное процентное отношение меняется в пользу тюркских лексических единиц. Например, образ Ширин – *пәри яңлыг пәри* ‘красавица как пери’ – в поэме представлен при помощи следующих сравнений: *сәт тик әле* ‘руки у нее белые как молоко’, *нар тик яңагы* ‘щёки у нее как гранат’, *бөлүр яңлыг тәне* ‘тело у нее как хрусталь’, *көн тиг йөзе* ‘лицо у нее как солнце’, *болыт йаңлыг сачы* ‘волосы у нее как облака’. Здесь, как мы видим, заимствованными являются лишь *пәри* < перс. *пәри* ‘фея, гурия; красивая, изящная девушка’, *нар* < ар.-перс. *нар* ‘огонь; пламя’ и *бөлүр* < ар. *бәллур* / *биллур* ‘кристаллы; хрусталь’. В отдельных разделах употребляются тюркские лексемы, в прямом значении характеризующие человека; лексемы, выражающие указанное значение в переносном значении; метафоризация; заимствованные лексемы; парные слова, состоящие из тюркских и заимствованных лексем.

1. ТЮРКСКАЯ ЛЕКСИКА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ ЧЕЛОВЕКА, ИЗ ПОЭМЫ «ХОСРОВ И ШИРИН» КУТБА

1.1. Общая положительная или отрицательная оценка человека в поэме выражается общетюркскими словами *изге* ‘хороший, добрый’, *яман* ‘плохой’: *Сән изгесән, яман булмагай ул һәм* [улы Ширвия] [2, б. 140]. / Ты же хороший, добрый, и он не может быть плохим [потому что он твой сын]; *Йыйғын барча җиһанның изгеләрен* [Там же, б. 132]... / Создав всех добрых, хороших, мудрых людей мира... (здесь и далее перевод авторов статьи. – А. Р., А. Г.).

В поэме значение «удивительный» (ср. лит. *гажәеп*, *искиткеч/искитмәле*) передается словом *таңсуқ* (<др.тюрк. *таңсуқ* ‘удивительный, необычный’ [3, с. 533]): *Ни таңсуқ адам углы бу тиделәр* [2, б. 99]. / Какой удивительный человек он, – сказали. Данная производная лексема первоначально, вероятно, означала «подобно чуду», так как образована от слова *таң* ‘чудо» (<др.тюрк. *таң* ‘чудо; удивительный’ [3, с. 532]). Исконно тюрко-татарским и наиболее древним (по сравнению с *искиткеч*) словом в значении «удивительный», безусловно, является слово *таңсық*. Однако с появлением синонимов, значение «удивительный» отошло к этим синонимам, а слово *тансық* закрепилось за значением «редкий, изысканный; желанный», существовавшим параллельно с другими значениями уже в древних тюркских языках. Ср.: *таңсуқ аш* ‘редкое (изысканное) кушанье’ [Там же, с. 533]. Корень *таң* ‘чудо; удивительный’ сохранился в составном слове *таң калу* ‘удивиться’, которое активно функционирует в современном татарском языке.

1.2. Для выражения характерных особенностей человека в связи с его полом и возрастом в поэме использованы следующие слова: *теши* ‘женщина» (<др.тюрк. *тиşi* ‘женщина; особь женского пола’ [Там же, с. 563]) и *кортка* ‘старуха» (<др.тюрк. *qurtga* ‘старуха’ [Там же, с. 469]): *Телән, бер таштылар кортка кешене / Теле ачигь, йөзе хәфригь тешине* [2, б. 109]. / Искали и нашли старушку, со злым языком и некрасивую женщину.

Значения «молодой» и «старый» в поэме выражены словами *кары* и *яшь*: *Карый булгай яшь углан, торса* [ул җирдә] *ун көн* [Там же, б. 64]. / Молодой парень, если пробудет [в том месте] десять дней, состарится (<др.тюрк. *qarı* ‘старый; старик’ [3, с. 426], *jaş* ‘зеленый, молодой’ [Там же, с. 245]). Кроме этого, в поэме употребляется слово *эне*, которое, вслед за исследователями данного источника [5, с. 461] мы переводим как «молодой»: *Төзеп алтын-көмеш түгәр эне сакый* [2, б. 129]. / Расставив золотые и серебряные [бокалы], молодой виночерпий наливает [вино]. В современных тюркских языках слово *эне/уни* существует в значении «младший брат». Как указывает Э. И. Фазылов, в некоторых источниках данное слово зафиксировано в таких значениях, как «внук, потомок» (Codex Cumaicus), «маленький, молодой, юноша» (Вамбери) [9, с. 421].

1.3. В описании внешности героев поэт очень часто использовал выражение *йөзе көн (тик)* ‘с лицом как солнце’. В начале поэмы оно встречается в роли эпитета главной героини Ширин: *Сәвәр гаять аны ул – йөзе көн тик* [2, б. 48]... / Любит она [Ширин] – та, которая с лицом как солнце – его очень...; *Әйүр: «Әй, йөзе көн, әндаме кафур...»* [Там же, б. 51]. / Говорит: «О [красавица] с лицом как солнце и телом белоснежным...». Вместо этого эпитета употребляется и *ай йөзлүг* «с лицом как луна»: *Әй, ай йөзлүг! Нидин кизләрсен әсрар* [Там же, б. 52]? / О [красавица], с лицом как луна! Почему ты так таинственна? Иногда слово *йөз (лүг)* заменяется словом *мәңиз* ‘лицо» (<др.тюрк. *теңиз* ‘облик, внешность; лицо, цвет лица’ [3, с. 342]): *Рәван бул, Ай мәңиз!* – *тип, тиз кыйлдым* [2, б. 68]... / Пойдем скорее, [красавица] с лицом как луна! – сказав, я поторопил ее... Далее по тексту поэмы очень часто Ширин называется луной, а Хосров – солнцем: *Күрәрләр кем ушул Көн берлә бу Маһ / Карар кыйлмыш бу гыйшык бурҗында нәгяһ* [Там же, б. 72]. / Видят: Солнце [Хосров] и та Луна [Ширин] расположились вдруг в созвездии любви. Очевидно, что персидское слово *maḥ* вместо тюркского слова *ай* в этих строках употребляется исключительно по требованию рифмы – *maḥ* и *нәгяһ*. *Ул Ай гафил бу Хәсрәү бакканындин* [Там же, б. 60]... / Луна та и не подозревает о том, что [на нее] смотрит Хосров...; *Ул Айны күтәрәп, Шәбдиз очты* [Там же, б. 61]... / Шабдиз [кличка коня], словно летел с Луной на спине [с Ширин, сидевшей верхом на этом коне]... Встречается также вариант *тулун ай* ‘полная луна» (<др.тюрк. *tolun* ‘полный (о луне)’ [3, с. 574]): *Нитәк кем калды ялгыз ул Тулун ай* [2, б. 115]... / Когда та Луна (полная) [Ширин] осталась одна...; *Кара тупракка кермеш Тулун аем* [Там же, б. 110]... / Говорят, что вошла в черную землю [умерла], моя Луна (полная)... Сравнение Ширин с луной среди звезд означает, что она самая красивая среди красивых девушек. Звезды – девушки во дворце – красивые – *күрклүг* (<др.тюрк. *körklüg* ‘красивый’ [3, с. 318]): *Ни күрклүг кыз кем илләр ара бар / Камуг Ширин тапугында булырлар* [2, б. 47]. / Сколько красивых девушек есть в народе, они все привлекаются служить Ширин. Однако луна среди этих звезд одна единственная и самая красивая. Во дворце шаха Хосров было много звезд-красавиц, однако там не было луны, пока не появилась Ширин: *Каравышлар тулуг шаһның сарае / Камыг йолдыз мәңезлек, юк бер ае* [Там же, б. 54]. / Дворец шаха полон служанок. Все они с лицом как звезда,

но нет среди них Луны. Значение «самая красивая из красивых» выражается словосочетанием *күркеләр шаһы: Әйт: Әй, күркеләр шаһы Ширин* [Там же, б. 111]! / Скажи: О Ширин! Царица в стране красавиц!

1.4. Духовные и психические свойства человека называются такими тюркскими словами, как *кылыксыз* ‘с плохим нравом’ (<др.тюрк. *qılıqsız* ‘бесцеремонный, не соблюдающий правила поведения и обычай’ [3, с. 444]), *языктуг* «грешный» (<др.тюрк. *jazuqlug* ‘грешный; имеющий грехи’ [Там же, с. 252]): *Кылыксыз булдың, уш белмән, сәбәп ни* [2, б. 123]? / Ты стала своевольной, вздорной, не знаю, в чем причина?; *Языктуг колың мән, сәриндем сәңа* [Там же]... / Грешный раб я твой, остыл я к тебе... Исконно тюркское слово *кылыксыз* в современном языке заменено словом *хольксыз*, образованного от *хольк* (<ар. *хульк* ‘характер, натура, нрав’). В литературном языке вместо тюрко-татарского языка также чаще употребляется слово *гәһәһ* (перс. *гүнаһ* ‘грех’).

Значение «горячность, страстность» в поэме передается словами *исиг* и *исиглиг* (<др.тюрк. *isig* ‘горячий; теплый; лихорадка, жар’; *isiglig* ‘имеющий жар’ [3, с. 213]): *Исиг кыйлды туп, рәнжәмә син андин / Ипер мәшһүр исиглиг берлә Ширин* [2, б. 124]. / Не обижайся на нее, что она погорячилась. Ширин известна своей горячностью. В современном татарском языке эти слова сохранились в форме *эссе* и *эсселек*, но, однако, употребляются лишь в прямом значении (*эссе көн, һава*), а по отношению к человеку, т.е. в переносном значении, функционирует слово *кайнар* ‘горячий’.

Слово *усал* в поэме выражает значение ‘беспечный, нерадивый’: *Талим очкын кем ут булды – ягылды / Усал торгычылар көктә калды* [Там же, б. 91]. / От множества искр возгорелось пламя. [Люди], стоявшие беспечно, остались в огне. Как отмечает Э. Н. Наджип, данное слово встречается во многих тюркских языковых и литературных памятниках XIV в., а в “Codex Cumanicus” зафиксировано параллельно с арабским словом в этом же значении – *гъафыл йүрубән, осал болма* ‘беззаботно проводя время, не будь беспечным’ [5, с. 326]. В современном татарском языке данное слово, вероятно, через общее отрицательное значение «плохой», стало функционировать в значении «злой».

1.5. В выражении материального положения человека в поэме употребляются такие слова, как *бай* ‘богатый’ и *чыгай* ‘бедный, нищий’. *Чыгайлар бай булды, еңжү тиреп* [2, б. 134]. / Нищие, собрав жемчуг, стали богатыми (<др.тюрк. *baj* ‘богатый’; *çigaj* ‘бедный, неимущий’ [3, с. 79, 147]). Иногда встречается и слово *йарлыг* ‘несчастный, убогий’: *Аның тик гадль үзә йөрөттә ярлыг / Кем аның ярлыгыңдин тынды ярлыг* [2, б. 83]. / [Хосров] так справедливо управлял народом, страной (*досл.* издавал указы), что обрели покой несчастные и нищие [люди] (<др.тюрк. *jarlig* ‘бедный, убогий, несчастный’ [3, с. 242]). В другом контексте *ярлы* обозначает «несчастный, невезучий», т.е. без семантического оттенка «материальное состояние»: *Кыйлып аһ, әйде кем: Әй ярлы Фарһад! / Ширин худ үлде кем, ни кыйлгайсән яд* [2, б. 109]? / Ахая и охая, она [старуха] сказала: «Ой, несчастный Фархад! Ширин ведь умерла, зачем ты о ней говоришь [словно она жива]?».

1.6. Понятия «друг» / «враг» в поэме представлены в различных контекстах и в основном выражаются персидскими словами *яр*, *дус* ‘друг’ и *дошман* ‘враг’. Лишь иногда встречаем слово *уш* ‘друг, приятель’ (<др.тюрк. *eş* ‘друг, приятель, сподвижник’ [3, с. 184]): *Гяһ аһуларга йолкып ут йийдирир / Гяһ арсланларга ишләшеп утырыр* [2, б. 101]... / То он [Фархад], собрав траву, кормит газелей / То сидит вместе со львами, словно с товарищами...; *Булыр төнлә көзәлләр аның ише* [Там же]... / Ночью хорьки stanовятся его друзьями...; *Уш андин кем бу сурәт булды ишем* [2, б. 52]... / Вот с того момента этот портрет (человек, нарисованный на этом портрете) стал моим другом... Слово *йагый* (<др.тюрк. *jagi* ‘враг’ [3, с. 224]) здесь употребляется в значении «вражеская сила, нашествие»: *Ягый белгерсә нәгяһ илләренгә* [2, б. 47]... / Если вдруг враг нападет на них (на их народ)...

1.7. Человек в связи с его умственными способностями описывается с использованием слов *услуг* ‘понимающий, умный’ / *уссуз* ‘неумный’ (<др.тюрк. *usla* ‘понимать, разуместь’ [3, с. 617]) и *белекsez* ‘невежда’ (<*белек* ‘знание’ + *-sez*). Производящая основа последнего – *белек* – также часто употребляется и самостоятельно, и в образовании новых слов: *Белекsezларга суз сүзләмә зинһар* [2, б. 98]. / Не произноси речь невеждам, будь осторожным; *Белекдин бер әсәр юк һәм сүзендә* [Там же, б. 139]... / *досл.* В словах его нет и следа знания...; *Белекsezлекдин агрыгда калур баш* [Там же, б. 123]. / *Из-за невежества* страдает (*букв.* болит) голова; *Айтте! Белекsezлекдә шухлык кыйлмышыны* [Там же, б. 127]. / [Сказала], что не ведая (*букв.* в незнании) поступила легкомысленно (необдуманно пошутила).

Слова *услуг* / *уссуз* и их производящий корень *ус* встречаются не так часто, например: *Хотән хатынны услуг туп, жиһандар* [Там же, б. 136]... / Владыка мира, сказав о Хотан-хатун, что она умная...; *Усы интекте, егьлу язды, түнде* [Там же, б. 119]. / Его разум помутился, он чуть было не упал... В поэме параллельно с тюркскими словами *услуг* / *уссуз* и гораздо чаще использованы арабские заимствования *гакыл* ‘ум, разум’ и *гакыйль* ‘умный, мудрый’: *гаклын етурмеш* ‘стал безумным, потерял разум’, *ул дәм гаклы китте* ‘в тот миг обезумел’ и т.д., а также персидское слово *диванә* ‘сумасшедший’: *Бу бер яр казгусы уш гаклым алды / Тотып гыйшыкы мене диванә кыйлды* [Там же, б. 84]. / Я лишился разума от горя из-за возлюбленной / Пленила меня ее любовь и сделала меня безумным; *Бозорг Әмидгә әйде кем: Ай гакыйль* [Там же, б. 139]. / [Хосров] сказал Бузург Умиду: «О мудрец...»; и др.

1.8. В характеристике человека в связи с его психологическими зависимостями присутствует слово *көни* ‘зависть’: *Күреп анлар, көнидин тешиләп ирен / Төшерделәр, сарайса керде Ширин* [Там же, б. 62]. / Увидев ее, они [слуги, наложницы], кусая кубы от зависти, помогли [ей] сойти [с коня]. И Ширин вошла во дворец; *Көнидин күктә Зөһрә кыйлды күп вай* [Там же, б. 66]... / Венера – звезда утренняя – на небе от зависти сокрушалась...; *Вәликин сән көниләп, казгу йиймә* [Там же, б. 121]... / Но ты [Марьям], завидуя, не горюй...; и т.п.

В поэме встречается тюркское слово *угры* ‘вор’ (<др.тюрк. *ogri* ‘вор, грабитель’ [3, с. 363]): *Ят угрыдин мәтагны сауса булыр / Эү угрысынга ишек япса булмаз* [2, б. 97]. / Богатство можно спрятать от вора постороннего. А от вора, находящегося в доме, нельзя остерегаться, заперев дверь. Слово *угры* в значении «вор»

в современном татарском языке не употребляется (тат.л. *карак* 'вор'), однако глагол в значении «воровать» образован именно от этого слова – *урла* – <угры +ла-.

2. ТЮРКСКИЕ СЛОВА, УПОТРЕБЛЯЮЩИЕСЯ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРЕНОСНОМ ЗНАЧЕНИИ

2.1. Сложное слово *йөз суы* 'честность, человечность' (др.тюрк. *jüz suvi* 'слава, величие' [3, с. 287]), составляющее семантическую параллель с персидским словом *абери(й)* (<аб 'вода' и *ру(й)* 'лицо') и считающееся в современном татарском языке фразеологизмом [4, б. 322], в поэме весьма активно употребляется как свободное словосочетание: *Һәм ул изге: оялсак үземездин / Үз элкин түкмәсәк су йөземездин* [2, б. 78]. / Было бы хорошо, если мы стыдились самих себя, и не роняли свой авторитет (досл. не пролили воды со своего лица своими же руками); ...*таш мәңиз, су юк йөзөндә* [Там же, б. 139]. / ...лицо [у него] каменное, нет на нем воды [нет света на лице, бесчеловечный, жестокий]; *Кеше Кеше айгәйме һич мондаг сүз ахыр / Зәһи сүсыз йөз уфтанмаз, күр ахыр* [Там же, б. 110]. / Человек разве скажет такое слово / Этот бесчеловечный не стыдится, увидь наконец-то; *Йөземдин бу суым түкмәк теләрсән* [Там же, б. 78]. / [Ты] хочешь опозорить меня; и т.п. Кроме этого, со словом *йөз* 'лицо' образовано выражение *еглак йөзле* 'с мрачным, неприветливым лицом': *Бу еглак йөзледин ил көлмәгәй һич* [Там же, б. 139]... / Этот [человек] с хмурым (букв. с плаксиным) лицом никогда не обрадует народ...

Слово *күңел* 'душа' образует такие фразеологические единицы, характеризующие человека, как *күңеле тар* 'опечаленный', *сынык күңел* 'несчастный, обездоленный': *Бу әндишә берлә күңле булып тар* [Там же, б. 88]... / Опечалившись из-за этой тревожности...; *Сыныклар күңлендә [күңеле сыныкларда] урнатты миһрен* [Там же, б. 83]. / Оказывал помощь (милосердие) несчастным, бедным людям. Кроме этого встречаются фразеологизмы *ачигъ* (тат.л. *ачы*) *сүзле* 'злослыжный', *агу телле* 'язвительный': *Ул ачигъ сүзле, агу телле кари һәм / Ачиглиг берлә Шириндән орып дәм* [Там же, б. 109]... / Эта злослыжная и язвительная старуха озлобленно говорила о Ширин...

2.2. В языке поэмы при характеристике образов имеет место метафоризация названий животных. *Карый бүре егет арсландин куркты* [Там же, б. 59]. / Старый волк испугался молодого льва [Отец испугался сына]; *Куй ул байгышыны кем, вэйранда торсын / Шәһәргә килмәсен, япанда торсын* [Там же, б. 94]. / Оставь ты эту несчастную птицу [имеется ввиду Ширин], пусть живет в развалинах / Пусть живет в степи, а в город пусть не прилетает.

В описании героев поэт иногда использует сравнения человека с животными: *[Фәрһад] Бер әсрүк богра тик кәрде катынга [шаһ янына]* [Там же, б. 103]. / [Фархад] вошел в покои [шаха] словно пьяный верблюд; *Ни эт жанлыг кеше мән, ирке белмән* [Там же, б. 106]... / Что же я [Фархад] за человек с собачьей душой, не знаю воли...

3. СЛОЖНЫЕ ЛЕКСЕМЫ, ОДИН ИЗ КОМПОНЕНТОВ КОТОРЫХ ЯВЛЯЕТСЯ ТЮРКСКИМ СЛОВОМ

Параллельное употребление тюркского и заимствованного вариантов одной и той же лексемы привело к появлению в языке сложных слов. Например, выявлено парное слово *билгә оstad*: *Янә шаһ әйде кем: «Әй билгә оstad...»* [Там же, б. 139]. / И шах сказал: «О мудрец...» (<др.тюрк. *bilgә* 'мудрый; мудрец' [3, с. 99]), перс. *Ostad* 'учитель, наставник; умелый, искусный'; парное слово *иш-нүкәр*, где *иш* является древнетюркским словом *еş* 'друг, приятель' [Там же, с. 184], *нүкәр* – монгольским словом *нөхөр* 'товарищ, друг': *Алып күп иш-нүкәр, атланды китте* [2, б. 59]... / Взял с собой много боевых товарищей, сел верхом на коня и ускакал... В предложении *Камуг ил халкы заригъ егладылар* [Там же, б. 109]... / Весь народ горько плакал... (*ил халкы* (должно быть *ил халк*), как мы считаем, также является парным словом. Ср.: др.тюрк. *el* 'племенной союз; народ' [3, с. 168], ар. *халк* 'народ'). Как известно, в современном татарском языке слово *ил* означает «страна», а лексема *халык* – «народ». В поэме слово *ил* образует парное слово *улус-ил* 'страна, государство, народ': *Улус-ил [Шириннең] гадле берлә шад булды* [2, б. 87]. / Весь народ был доволен справедливостью [Ширин]. Слово *улус* является тюрко-монгольской лексической параллелью: др.тюрк. *ulus* / *ulus* 'селение' [3, с. 611] и монг. *улс* 'государство, держава; люди, народ; династия'.

4. ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭМЕ «ХОСРОВ И ШИРИН»

Поэма Кутба «Хосров и Ширин» «считается вольным переводом одноименного поэтического романа азербайджанского поэта Низами, написанного на персидском языке» [6, с. 80]. Кроме того, язык данного поэтического произведения «связан с арабо-персидским размером аруз» [5, с. 139]. Эти факты повлияли на то, что Кутб включил в язык поэмы значительное количество арабской и персидской лексики. Некоторые заимствования, как мы считаем, использованы поэтом исключительно для сохранения аруз, т.е. метрического стихосложения: *Биле баглыг бу зикә чәрхи гәрдуң / Заигъ кузмаз кирәк изге, кирәк дун* [2, б. 113]. / Мир готов к этому делу. [Он] не всегда открыто показывает, хорошо ли это или плохо, подло. Слово *дун* (<ар.) здесь использовано как антоним слова *изге* 'хороший, добрый', вместо исконно тюркской лексемы *йаман*. Точно так же, на наш взгляд, персидское заимствование *маһ* 'луна, месяц' вставлено вместо тюркского слова *ай* лишь по требованию рифмы – *маһ* и *нәгяһ*: *Күрәрләр кем ушул Көн берлә бу Маһ / Карар кыйлмыш бу гыйшык бурҗында нәгяһ* [Там же, б. 72]. / Видят: Солнце [Хосров] и та Луна [Ширин] расположились вдруг в созвездии любви.

4.1. Для характеристики человека в поэме употребляются арабские и персидские лексемы, которые впоследствии прочно обосновались в татарском языке. Прежде всего, это слова *дус* (<перс.) и *дошман* (<перс.): *Сакын кем булмасын һич дуст дошман / Әгәр булса, сән андин яхшы саклан* [Там же, б. 91]. / Будь осторожным, друг пусть никогда не превратится во врага. Если такое случится, ты его остерегайся очень.

Слово *гарип* (<ар.) в современном татарском языке приобрело значение «калека», до недавнего времени в литературном языке употреблялось в значении, близком к исконному, в котором встречается и в поэме: *Гарипне таш берлә [таш кистереп] үлтермә, зинһар* [Там же, б. 106]. / Внемли моим словам, не убивай несчастного (странного, чужого), заставив резать камень.

Залим (<ар. *залим* ‘притеснитель, тиран’): *Залимләр өстенгә йөретте каһрен* [Там же, б. 83]. / [Хосров, вновь став правителем], направил свой гнев (*досл.* насильственное подчинение) на злодеев. В поэме слово *залим* имеет значение «жестокий, безжалостный, деспотичный», это слово употребляется и в современном литературном языке.

Нәүмиз (<перс. *на омид* ‘в отчаянии’, перс. *Омид* ‘надежда, упование, чаяние’): *Булып нәүмиз, ул чимкәндин кайтты* [Там же, б. 61]. / Став унылым, он [Хосров] вернулся с долины реки. В современном татарском языке активно употребляются слова *өмет* ‘надежда’ и *нәүмиз* ‘потерявший надежду; печальный, унылый’. Слово *өмет/үмид* именно в данной форме, возможно, было заимствовано в тюркские языки из иранских языков. Однако мы предполагаем, что оно является древним тюркским заимствованием в иранских языках, корень которого древнетюркское слово *um/üm* (<др.тюрк. *um-* ‘надеяться, ожидать’ [3, с. 611]). Данный древнетюркский корень сохранился в таких словах татарского языка как *ымсын-* ‘надеяться на что-то’, *омтыл-* ‘стремиться, пытаться’. Следует отметить, что в поэме встречается еще один вариант слова *өмет/үмит* в форме *өменч*, который еще раз доказывает, что корень исследуемого слова – *өм/ум*: *Өменчсезнең өменченгә вәфа кыйл* [2, б. 105]. Данное предложение Э. Н. Наджип читает как *Умынжсызның умынжсына вәфа кыл*. / «Благосклонно отнесись к надежде безнадёжного» [5, с. 369].

4.2. Часть заимствованных слов в рассматриваемой тематической группе в татарском языке употребляется редко или вовсе не употребляется. Например, слово *зариф* (<ар. *Зариф* ‘красивый, элегантный’) в современном татарском языке функционирует лишь как личное имя или фамилия. В поэме оно употребляется в своем основном значении: *Камуг атландылар анча зариф хур* [2, б. 74]. / Все красавицы гурии [девушки, обладающие внешностью райских дев] сели верхом на коней. Слово *хур* (<перс. *хур* ‘гурия, райская дева’) в современном языке употребляется в составном слове *хур кызы* ‘гурия’.

Часть заимствованных слов, использованных в поэме для характеристики людей, в лексическом составе современного татарского языка не представлена. Например, *каһил* ‘ленивый; лентяй’ (<перс. *Каһэл* ‘ленивый, бездеятельный; вялый’): *Катыглан, булма каһил үз эшеңдә* [Там же, б. 80]. / Старайся, не будь ленивым в своем деле; *бәдфәгал* ‘зловредный’ (<перс. *бәдфәгал* ‘поступающий скверно; зловредный; дурного поведения’): *Хатынлар күбрәге, бел, бәдфәгал ул* [2, б. 94]... / Знай же, большинство женщин зловредны...; *бәднам* ‘обесславленный’ (<перс. *бәднам* ‘опозоренный, посрамленный; обесславленный’): *Жуһан эчрә мине бәднам кыйлдың* [Там же, б. 123]. / Ты обесславил меня на весь мир.

4.3. Заимствованные слова в языке поэмы выступают основой для словообразования: *морад* ‘желание, стремление’ (<перс. *морад* ‘желание, стремление; цель, намерение’) + *-сыз*: *Морадсызның морадын бер рәва кыйл* [Там же, б. 105]. / Дай желанья, не имеющему его; *жәванмәрд* (<перс. *жәванмәрд* ‘благородный человек, доблестный муж; великодушный, отважный (о чел.)’) + *-лек*: *Күреп жәванмәрдлек ил хәйран калды* [Там же, б. 91]... / Увидев [такое] великодушие, народ пришел в изумление...

Таким образом, лексика поэмы «Хосров и Ширин», характеризующая человека, неоднородна в своем составе и делится на лексемы тюркские и заимствованные по происхождению. Тюркские лексемы, характеризующие человека и употребляющиеся в поэме в прямом значении, можно объединить в восемь тематических групп. Среди них имеются лексемы общей положительной / отрицательной оценки; слова, характеризующие человека в связи с его полом и возрастом; слова, использованные при описании внешности героев поэмы; названия духовных и психических свойств человека; слова, характеризующие человека в связи с его материальным положением, умственными способностям, вредными привычками; понятия «друг» / «враг». В тюркской лексике выявлены лексемы, выражающие характеристику в переносном значении. Для характеристики человека в поэме употребляются арабские и персидские заимствования, которые впоследствии прочно обосновались в татарском языке. Часть заимствованных слов в рассматриваемой тематической группе в современном татарском языке употребляется редко или вовсе не употребляется. Некоторые заимствования, как мы считаем, употребляются поэтом исключительно для сохранения рифмы в системе стихосложения «аруз». Заимствованные слова в языке поэмы иногда выступают основой для образования новых слов при помощи тюркских аффиксов. Выявлены также парные слова, состоящие из тюркских и заимствованных лексем, отражающие процесс постепенного проникновения в татарский литературный язык арабских и персидских слов.

Список сокращений

ар. – арабский	перс. – персидский
др.тюрк. – древнетюркский	тат.л. – татарский литературный
каз. – казахский	туркм. – туркменский

Список источников

1. **Гарипова Г. Ф.** Морфологические особенности поэмы Кутба «Хосров и Ширин» (XIV в.): дисс. ... к. филол. н. Казань, 2003. 245 с.
2. **Госман Х.** Борыңгы төрки һәм татар әдәбиятының чыганақлары. Казан: Казан университеты нәшрияты, 1981. 246 б.
3. **Древнетюркский словарь** / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 676 с.
4. **Исэнбэт Н.** Татар теленә фразеологик сүзлеге: ике томда. Казан: Татарстан кит. нәшр., 1989. Т. I. 495 б.
5. **Наджип Э. Н.** Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века на материале «Хосров и Ширин» Кутба: в 4-х кн. М.: Главная редакция восточной литературы, 1979. Кн. 1. 479 с.
6. **Наджип Э. Н.** «Хосров и Ширин» Кутба и его язык // Тюркологический сборник. М., 1966. С. 80-91.

7. Нуриева Ф. Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. Казань: Казанский государственный университет, 2004. 376 с.
8. Фазылов Э. И. О лексике хорезмских памятников XIV в. // Лингвистический сборник. Ташкент: ФАН, 1971. С. 34-41.
9. Фазылов Э. И. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века: в 2-х т. Ташкент: Фан, 1966. Т. I. 649 с.

HISTORICAL AND GENETIC PECULIARITIES OF ANTHROPOCENTRIC VOCABULARY IN THE XIV-CENTURY POEM "KHOSROV AND SHIRIN" BY QUTB

Rakhimova Assiya Rizvanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Giniyatullina Alsu Yunisovna, Ph. D. in Philology
Kazan (Volga Region) Federal University
a.rakhimova@gmail.com; alsu.giniyatullina.2016@mail.ru

The article is devoted to studying the thematic vocabulary of the XIV-century poem "Khosrov and Shirin" by Qutb. The authors discover historical and genetic peculiarities of the vocabulary characterizing a human being. The study indicated that the Turkic vocabulary includes the Old Turkic words, which are not preserved in the majority of modern Turkic languages, including Tatar. The other stratum of the vocabulary has been preserved till now but has undergone semantic changes. Foreign vocabulary is represented by Arabic and Persian words. Many of them are used in the poem in parallel with Turkic variants and often form pairs with them.

Key words and phrases: language of poem; Turkic vocabulary; Tatar language; historical and genetic analysis; semantic peculiarities; Arabic and Persian borrowings.

УДК 81

Дата поступления рукописи: 11.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.34>

В данной статье рассматривается проблема взаимодействия транснационального глобализованного медийного пространства и национального медийного пространства с точки зрения роли структур медиатизации как когнитивов медийного дискурса, оказывающих влияние на формирование медийной картины мира публичного социального адресата. На основе контент-анализа предпринимается попытка выявить состав констант предметной сферы экологии, состав транснациональных когнитивов, характеристики их когнитивного статуса.

Ключевые слова и фразы: медийный дискурс; медиатизация информации; национальная медийная картина мира; дестинация; когнитивы; транснациональные элементы.

Салангина Екатерина Сергеевна

Шалунова Мария Юрьевна

Иркутский государственный университет

salangina.katerina@yandex.ru; shalunova@mail.ru

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕДИЙНОЙ КАРТИНЕ МИРА: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И ДЕСТИНАЦИЯ

Большинство когнитологов соглашаются с тем, что знание в разуме человека состоит из ментальных репрезентаций. Исходя из положения о том, что речь является проводником информации [4], речевые структуры целостных текстов можно рассматривать как носители знания и оценки в коммуникации, в том числе в медийной коммуникации, реализуемой через дистанционный и технологический каналы связи.

Сугубо лингвистический угол зрения на образование «виртуального общества», осью которого является сеть, дает возможность увидеть две тенденции: развитие мультилингвальной сети Интернет и распространение «сетевое английского» как *lingua franca* Интернета.

Выделяют две позиции по поводу межкультурных и межъязыковых коммуникаций. Первая утверждает в качестве таковых языковую ассимиляцию, осуществляемую со стороны доминантного английского языка. Вторая настаивает на комплементарности языков мира, что становится возможным при наличии транснационального языка, который утрачивает национальный статус и принимает функцию не только межъязыковой коммуникации, но и средства познания другой культуры [6].

Существующие сценарии развития мирового сообщества получили теоретическое обоснование в глобализационных моделях. К числу основных относят модели глобализма, мультикультуризма и транскультуры. В описании процессов глобализации модель транскультуры или транскультурного пространства соотносится с процессами гибридизации, происходящими в виртуально-реальном пространстве, образованном современными средствами массовой коммуникации и информационными компьютерными технологиями. Акцентируя интенсификацию глобального и локального, гибридизация отражает популярную тенденцию в описании глобализации, именуемую глокализацией («сочетанием глобального и локального») [10].

Под транснациональными элементами мы понимаем языковые единицы, источником которых является «общий интернациональный лексический фонд» («ОИЛФ», термин Ю. Д. Дешериева [3]), в частности интернационализмы, англицизмы, транслирующие неологизмическую, общую для большинства языков терминологию,